

Дзапарова Мадина Казбековна

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА
ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДРАМЫ Ф. ШИЛЛЕРА "ВИЛЬГЕЛЬМ
ТЕЛЛЬ" И ЕЕ ПЕРЕВОДА НА ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК)**

В статье на материале драмы Фридриха Шиллера "Вильгельм Телль" рассмотрены вопросы формирования концептуальной семантики текста. Особое внимание уделяется исследованию лексико-семантического пространства крылатых выражений текста драмы и их переводу на осетинский язык Цоцко Амбаловым. В ходе анализа выявляются доминирующие признаки текстовых доминант из кульминационных сцен драмы ("Клятва на Рютли", "Завещание барона Аттингаузена"), которые организуют целостное единство художественного произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/1-1/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(67): в 2-х ч. Ч. 1. С. 94-98. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Исследование репрезентации интеллектуальных качеств в немецких паремиях и антипословицах позволяет выявить богатую палитру восприятия и оценки интеллектуальных качеств в немецкой лингвокультуре. Они соотносятся с разными другими качествами человека, его видами деятельности и отмечаются как приоритетные. Меняющиеся социально-политические, экономические условия находят неперемutable отражение в паремиологическом фонде, поэтому в современных антипословицах происходит переосмысление, дополнение отдельных устоявшихся распространенных представлений об интеллектуальных качествах. Дополнительно отмечаются новые аспекты выявления критериев высоких интеллектуальных способностей человека, условий их проявления.

Список литературы

1. **Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н.** Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. М.: Флинта; Наука, 2009. 344 с.
2. **Буслаев Ф. И.** Русский быт и духовная культура / сост. и отв. ред. О. А. Платонов; предисл. В. О. Гусаковой. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 1008 с.
3. **Вальтер Х., Мокиенко В. М.** Антипословицы русского народа. СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. 312 с.
4. **Мокиенко В. М.** Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
5. **Пермяков Г. Л.** Основы структурной паремиологии. М.: Просвещение, 1988. 186 с.
6. **Потебня А. А.** Теоретическая поэтика. СПб. – М.: Филологический факультет СПбГУ; Издательский центр «Академия», 2003. 374 с.
7. **Райхштейн А. Д.** Немецкие устойчивые фразы. Пособие по лексикологии немецкого языка. М.: Менеджер, 2004. 240 с.
8. **Beyer H., Beyer A.** Sprichwörterlexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Ausdrücke aus deutschen Sammlungen vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1985. 712 S.
9. **Burger H.** Handbuch der Phraseologie. Berlin – N. Y.: de Gruyter, 1982. 433 S.
10. **Mieder W.** Das Antisprichwörterbuch. Wiesbaden: Verlag für deutsche Sprache GmbH, 1985. 251 S.
11. **Sailer J. M.** Die Weisheit auf der Gasse oder Sinn und Geist deutscher Sprichwörter. Frankfurt a/M: Eichborn Verlag, 1996. 357 S.

**REPRESENTATION OF PERSON'S INTELLIGENT QUALITIES
IN THE GERMAN PROVERBS AND ANTIPROVERBS**

Demidkina Ekaterina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Voronezh State Pedagogical University
demmidkina@yandex.ru

The article deals with the representation of person's intelligent qualities in the German proverbs and antiproverbs. In the paroe-miological fund of German one can find both set proverbs, representing the ideas of the German ethnic group about the system of human intelligent qualities, their evaluation (evaluation criteria), and their addition in the form of antiproverbs, stipulated by new socio-political, economic, and educational conditions. The coexistence of opposing interpretations in proverbs and antiproverbs in one linguistic culture is explained by not necessary representation of conventional attitudes towards different phenomena of the reality in proverbs.

Key words and phrases: proverbs; antiproverbs; naive world view; cultural determinants; constants of anthropocentric paradigm.

УДК 81'37

В статье на материале драмы Фридриха Шиллера «Вильгельм Телль» рассмотрены вопросы формирования концептуальной семантики текста. Особое внимание уделяется исследованию лексико-семантического пространства крылатых выражений текста драмы и их переводу на осетинский язык Цоцко Амбаловым. В ходе анализа выявляются доминирующие признаки текстовых доминант из кульминационных сцен драмы («Клятва на Рютли», «Завещание барона Аттингаузена»), которые организуют целостное единство художественного произведения.

Ключевые слова и фразы: семантика текста; крылатые выражения; текстовые доминанты; кульминация; фразеологизмы.

Дзапарова Мадина Казбековна

Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова
madina.dzaparowa@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ
ТЕКСТА ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДРАМЫ Ф. ШИЛЛЕРА
«ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ» И ЕЕ ПЕРЕВОДА НА ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК)**

Драма Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» явилась первым переводом крупного литературного произведения на осетинский язык и была высоко оценена осетинской критикой, которая признала, что Ц. Б. Амбалов проделал большую и ценную работу, открыв для осетинского народа красивые и вечно живые мысли Шиллера и внося тем самым неоценимый вклад в обогащение и развитие жанровой системы осетинской литературы

20-х гг. XX в. Исследователь творчества Амбалова Ц. С. Гадиев отмечал: «Осетинский переводчик взял для своего перевода прозаическую форму, и это обстоятельство мы считаем целесообразным... Необходимо отметить, что перевод сделан в высокой степени просто и художественно...» [Цит. по: 7, с. 64-65]. Столь высокая оценка перевода, выполненного Ц. Б. Амбаловым, была обусловлена тем, что осетинская общественность впервые познакомилась с творчеством Шиллера, а его великие гуманистические идеалы стали близки и понятны представителям осетиноязычного культурного пространства. При этом надо учитывать, что оценивалась адекватность перевода, передача общего смысла оригинального произведения, без учета соответствия выбора языковых знаков.

В данной статье впервые осуществляется попытка анализа адекватности перевода, соответствия выбранных Ц. Б. Амбаловым языковых средств для перевода на осетинский язык не только смысловой составляющей драмы, но и для формирования концептуальной семантики текста. В этой связи нами рассматриваются, прежде всего, крылатые выражения и текстовые доминанты из кульминационных сцен драмы «Вильгельм Телль».

Одной из центральных сцен пьесы является клятва на Рютли. На лугу близ Фирвальдштетского озера собрались представители трех кантонов Швейцарии. Жители Ури, Швица и Унтервальдена одержимы общим желанием – свергнуть своих поработителей. Каждый из них готов сложить голову в борьбе за правое дело. Любовь к родине, стремление к свободе, незапятнанная честь – вот те высокие морально-этические ценности, которые исповедуют достойнейшие представители трех кантонов Швейцарии. На собрании единогласно принимают закон о лишении прав швейцарца всех тех, кто поддержит австрийских наместников. Отличительной особенностью этой сцены является то, что собравшиеся произносят лозунги, затем дают клятву – объединиться в союз:

«Wir wollen sein ein einzig Volk von Brüdern, In keiner Not uns trennen und Gefahr» [10, S. 163]. / *Мы хотим быть единым народом братьев, ни в бедственном положении не разделяться, ни в опасности (здесь и далее перевод автора статьи – М. Д.).*

«Цæмæй амæй фæстæмæ æфсымæртæу нæ цард, нæ зиан дæр иу уа; фыдбонь дæр, тыхст растæджы дæр нæхи кувд нæ аласæм кæрæдзийæ» [9, ф. 373]. / *Чтобы отныне наша жизнь, наше горе как у братьев были едиными; и в беде, и в трудное время чтобы мы не отдалялись друг от друга.*

В приведенной фразе переводчику удалось достичь как адекватности перевода, так и эквивалентности при выборе языковых средств, так как мы наблюдаем совпадение не только идейно-смыслового содержания фразы, но и выбранных лексических средств.

В целом необходимо отметить, что в композиции пространственных реплик из сцены «Клятва на Рютли» заключен богатый и ценный материал для исследования семантических полей крылатых выражений. В монологах главных действующих лиц сцены – Штауффахера, Мельхталя, Фюрста есть ощущение единства, неразделимости, романтической возвышенности чувств и страстей. Все персонажи пьесы живут и мечтают о будущем в атмосфере разговорного, острого и меткого немецкого слова. В соответствии с этим все богатство крылатых выражений в тексте драмы образует свое лексико-семантическое пространство, в котором можно выделить следующие тематические поля: *жизненная философия крестьян, борьба за свободу, ритуалы и традиции, любовь к отчизне, родство, мужество и сплоченность, честь и доблесть, долг, война и смерть, будущее – новая жизнь, природа, труд.*

Рассмотрим тематическое поле «жизненная философия крестьян». При переводе на осетинский язык этой группы крылатых выражений Ц. Амбалов старался сохранить народно-поэтический стиль произведения, отмечая вслед за многими исследователями глубинную народность драмы «Вильгельм Телль».

«Der kluge Mann baut vor» [10, S. 127]. / *Умный человек должен быть предусмотрительным.*

«Æд-зонд адæймагæн йæхиуыл æмбæлы архайын» [9, ф. 354]. / *Умному человеку следует работать над собой.*

Оригинальное предложение построено в соответствии с синтаксисом разговорной речи, т.е. характеризуется простотой. Для более точной передачи разговорного стиля и принадлежности героя к крестьянскому сословию Ц. Амбалов выбирает в переводе лексику *æд-зонд адæймаг* вместо нейтральной лексики *зондджын* «умный». Основное отличие смысла осетинского перевода данного предложения от оригинала заключается в том, что предусмотрительность умного человека не является констатацией факта, как это имеет место в немецком тексте, а преподносится как то, что должно быть, но не обязательно имеет место в действительности.

«Wer gar zu viel bedenkt, wird wenig leisten» [10, S. 166]. / *Кто слишком много думает, мало будет делать.*

«Хъуыддагыл фæстиат-фæстиат чи кæна, уымæн дзы бирæ пайда сæрхæссын нæ бантысдзæн» [9, ф. 375]. / *Кто медлит с делом, тому мало пользы будет от этого дела.*

При сохранении общего смысла предложения, следует отметить некоторые семантические трансформации, присутствующие в переводе. Так, в осетинском тексте появляется дополнение «дело», которое отсутствует в оригинале. Кроме того, немецкий глагол «думать, обдумывать» заменяется в осетинском тексте глаголом «медлить, мешкать». При этом надо понимать, что причиной медлительности не обязательно является обдумывание предстоящей работы. Усиление, выраженное в немецком языке наречием *gar* и частицей *zu*, в осетинском передается повтором глагола, что характерно для разговорной речи.

«Früh übt sich, was ein Meister werden will» [10, S. 165]. / *С ранних лет упражняется тот, кто хочет стать мастером.*

«Хъазгæ-хъазын базондзысты, базонын съл цы дæсныад æмбæлы, уый» [9, ф. 374]. / *Играючи узнают то мастерство, которое им следует узнать.*

В тексте перевода имеются существенные отклонения от оригинала. В частности, Ц. Амбалов передает немецкую лексику *früh* «рано, с ранних лет» как «хъазгæ-хъазын», что означает играючи, т.е. легко, без особых

усилий. Кроме того, в осетинском тексте на первый план выдвигается не активный деятель, то есть тот, кто хочет осознанно стать мастером, а процесс овладения мастерством, который происходит играючи.

Как показывает анализ материала, крылатые выражения являются речевыми характеристиками персонажей, обуславливая их яркую портретность, индивидуальность. Показательна в этом отношении речь Телля с ее фразами, похожими на приказы; крылатыми выражениями, отражающими быт и нравы горцев. Драматург стремится передать особенности социально-речевого стиля. Нетрудно заметить, что в реплике Телля: «*Ich hab` getan, was ich nicht lassen konnte*» [10, S. 123]. / *Я сделал, что не мог оставить (не сделанным)*, «*Цы сфæнд кодтон, уый æнæ бакæнгæ мæ бон нæу*» [9, ф. 358]. / *Что я наметил, то я не могу не сделать* проглядываются особенности лексики военного человека с высокоразвитым чувством долга и чести. При сохранении в целом смысла фразы, Ц. Амбалов выбрал такую формулировку, такие лексические средства и выражения, которые наиболее близки и понятны осетинам, так как выражает понятие долга, присущего любому осетину. Мы имеем дело, таким образом, со смещением акцентов в тексте оригинала и в переводе: в оригинале герой делает то, что не мог не сделать, в переводе герой делает то, что должен был сделать. Функция этого крылатого выражения – подчеркнуть главную черту характера персонажа, сделать образ более героическим, монументальным.

Указанные неточности в переводе, а также ряд других, выявленных при анализе, можно объяснить как тем, что перевод осуществлялся прозаическим текстом, так и желанием Ц. Амбалова сделать текст понятнее осетинам. При расширении контекста и вовлечении в анализ всей ситуации оказывается, что перевод адекватно передает как ценностные, так и смысловые константы текста. В целом можно сказать, что именно крылатые выражения этой тематической группы наиболее удачно переведены Ц. Амбаловым.

Крылатые выражения тематических полей «мужество и сплоченность», «война и смерть» характеризуются эмоциональностью стиля, ассоциативным способом мышления, экспрессивным характером выражения.

«*Der brave Mann denkt an sich selbst zuletzt*» [10, S. 123]. / *Умный человек думает о себе в последнюю очередь.*

«*Æхсарджын адæймаг йæхи сæры кой æппæты фæстæ бакæны*» [9, ф. 352]. / *Мужественный человек о своей голове думает в последнюю очередь.*

С точки зрения звуковой организации обращает на себя внимание величаво-эпическая тональность немецкого крылатого выражения, формирующаяся повтором гласного [e], за счет чего возникает ритмический пафос. Пафос осетинского текста выражается за счет использования метафоры «думать о своей голове», которая относится к высокому стилю.

«*Was Hände bauen, können Hände stürzen*» [10, S. 131]. / *Что руки создают, могут руки и разрушить.*

«*Къухæй цы скæнай, уый къухтæ ныппырх кæндзысты*» [9, ф. 356]. / *Что руками сделаешь, то руки и разрушат.*

С грамматической точки зрения следует отметить приоритетную роль глагольной лексики. Глагольные словоформы (können, stürzen) с присущей им динамикой передают стремительность речи, и им подобраны точные эквиваленты и в осетинском языке.

«*Der Starke ist am mächtigsten allein*» [10, S. 133]. / *Тот, кто силен, всего сильнее один.*

«*Fæлæ хъæруджынæн та рабæрæг вæййыныц йæ тых, йæ лæджыхъæд цунæгæй архайгæйæ*» [9, ф. 357]. / *У сильного его сила и мужество выясняются, когда он действует в одиночку.*

Почти во всех крылатых выражениях в разговорный стиль активно проникает книжная лексика: «*Der brave Mann*», «*Es schont der Krieg*», «*Hände stürzen*», «*am mächtigsten allein*». Однако в составе крылатых выражений «книжные» слова подвергаются специфической разговорной обработке, в результате чего входят в ткань живой народной речи.

По мнению Л. А. Новикова, «современный анализ языка художественной литературы характеризуется детерминантным подходом, поиском ведущих, доминантных речевых средств, позволяющих выделить главные «ключевые» слова, семантические текстовые поля и т.п., организующие целостное единство художественного текста в его эстетическом восприятии» [6, с. 31]. Хотя доминанта понимается как явление многостороннее, считается, что текстовая доминанта обусловлена, в первую очередь, выдвиганием на первый план формальных средств. Рассмотрим текстовые доминанты из кульминационных сцен драмы («Клятва на Рютли» и «Завещание барона Аттингаузена»). Важно отметить, что разновидностями текстовой доминанты являются грамматические и лексические доминанты. В монологе Рединга грамматической доминантой является глагол: реплика построена на выдвигании глаголов 1 л., мн. ч., наст. вр. (*versuchen, erdulden, bringen; бавзарæм, æфхæрæм, бахæссæм*) и глаголов 3 л., ед. ч., наст. вр. (*weiß, hilft; зоны, æххуыс кæны*), что позволяет выражать модальные смыслы необходимости, уверенности в правоте своего дела.

Наиболее значимыми для формирования концептуальной семантики текста являются и лексические средства актуализации: синонимия, антонимия, метафора, функционально-текстовые группировки слов. В анализируемых нами отрывках чаще встречаются сравнения, лексические повторы, метафоры:

«*Wie die Alpenrose bleicht und verkümmert in der Sumpfluft, so ist für ihn kein Leben als im Licht der Sonne, in dem Balsamstrom der Lüfte. Gefangen! Er! Sein Atem ist die Freiheit, er kann nicht leben in dem Hauch der Gräfte*» [10, S. 173]. / *Как роза Альп блекнет и вянет в болотном воздухе, так и для него нет иной жизни, чем в лучах солнца, в целительном потоке воздуха. Пойман. Он. Его дыхание – свобода, он не может жить дыханием могилы.*

«*Альпы хæхты дидинæг цъымараты уæлдæфмæ йæ хуыз куыд аивы, куыд бампылы, афтæ нын уый дæр уым баруайдзæн, батайдзæн: æнæхай фæци нæ хæхты хурæй, æнæхай фæци нæ фæзты диссаджы уд-дæфæй*» [9, ф. 389]. / *Как цветок альпийских гор от воздуха болотного меняет вид, ссыхается, так и он там иссохнет, подтает: он остался без солнца своих гор, без чудесного дуновения своих лугов.*

В рассматриваемом отрывке лексической доминантой является поэтическое слово «*Wie die Alpenrose*» («как роза Альп»). Развернутая метафора-сравнение позволяет выразить глубокую тонкость чувств персонажа к главному герою драмы. Эмоциональность и образность этого отрывка сохранена и в осетинском переводе: именно эта фраза («Альпы хæхты дидинаг» / «как роза Альп») выполняет текстообразующую функцию и является основным выразителем концептуального содержания монолога Гедвиги.

Разнообразие и оригинальность употребления лексики и грамматических форм мы видим в монологе умирающего Аттингаузена:

«*Drum haltet fest zusammen – fest und ewig... Seid einig-einig-einig*» [10, S. 196]. / *Поэтому держитесь вместе – вечно, прочно... Будьте едины-едины-едины.*

«*Мауал фæхицæн ут мыггагæй-мыггагмæ дæр æфсымæртау, æрдохорд æмгæрттау, æрдахау стыхсут уæ кæрæдзийыл уарзондзинадæй! Тас заманы, уаритау, тæхут фæдисы уæ кæрæдзи сæрыл. Цæрут æнгомæй... æнгомæй... æнгомæй*» [9, ф. 391]. / *Никогда более не отделяйтесь друг от друга, как братья, как клятвенные друзья, сплотитесь вокруг друг друга! В опасности, как соколы, стремитесь на помощь друг другу.*

Даже поверхностный взгляд на перевод позволяет заметить, что осетинский текст намного пространнее немецкого. И дело не только в морфологической разности языков. В осетинском тексте появляются лексические элементы, отсутствующие в оригинале (братья, клятвенные братья, т.е. люди, давшие клятву на огне быть отныне братьями; соколы, готовые прийти на помощь в трудную минуту). Однако именно эти лексические элементы связаны в осетинской культуре с понятиями настоящей, вечной дружбы и взаимопомощи. Таким образом, Ц. Амбалов усиливает содержащийся в немецком тексте призыв в вечной дружбе и единстве.

Контекстуальные синонимы (*fest und ewig* / *вечно, нерушимо*), выраженные наречиями; лексические повторы (*einig-einig-einig* / *един... един... един*), выраженные краткой формой прилагательного, служат эмоциональной оценке происходящих событий, а также для усиления семантической окраски предсмертного монолога Аттингаузена. Последний монолог барона переведен на осетинский язык с сохранением специфики лексических средств актуализации текста: синонимы (*æфсымæртау, æрдохорд æмгæрттау*); лексический повтор, выраженный наречием (*æнгомæй... æнгомæй... æнгомæй*).

Важно отметить, что морфологические средства актуализации содержания текста драмы чаще всего согласуются со следующими синтаксическими конструкциями: экспрессивные предложения, неполные, эллиптические и сравнительные конструкции.

Сцена «Клятва на Рютли» насыщена неполными, вопросительно-восклицательными предложениями. Эти неполные экспрессивные синтаксические конструкции употребляются в речи персонажей, т.е. в стилизованной разговорной речи. Семантика этих предложений всегда содержит значение бытийности. Эти предложения, как правило, передают значение синтаксического настоящего времени. Сообщение о наличии предмета, явления осуществляется в момент речи, в данном случае речь идет о начале тайного схода на Рютли. Словесное оформление этих предложений становится излишним, так как их содержание подсказывается ситуацией – сход на Рютли. Так, в начале 2-го явления драмы ситуативные неполные конструкции используются с целью придания таинственности и важности совершаемых событий; они делают речь лаконичней, динамичней. В репликах персонажей звучат риторические вопросы, свидетельствующие о массовости и народности тайного схода. Типичной конструкцией неполного ситуативного предложения является сказуемое при неназванном подлежащем (*horch, seht*). В диалогической речи используются и неполные конструкции с главным словом подлежащим (*Freunde des Landes*); а могут опускаться оба члена предложения, и употребляются лишь те, которые несут новое содержание (*Wie weit ist's in der Nacht? dorthin!*). Так, в сцене «сход на Рютли» наблюдается частое употребление неполных синтаксических конструкций для диалогов драмы. Обычно лишь первая реплика имеет развернутую полную структуру, а последующие, с опорой на нее, строятся как неполные. При переводе этой сцены на осетинский язык многие неполные синтаксические конструкции заменены простыми распространенными предложениями, тем самым не сохранена формально-синтаксическая доминанта текста и ее смыслообразующая роль. Переводчик потерял шиллеровскую легкость, нарушены семантико-синтаксические характеристики компонентов предложений данного отрывка.

Таким образом, рассмотрев текстовые доминанты из кульминационных сцен драмы («Клятва на Рютли» и «Завещание барона Аттингаузена»), важно отметить, что доминирующими здесь являются грамматические (глагол, имя существительное, имя прилагательное); лексические (лексические повторы, сравнения, метафоры), синтаксические (неполные предложения, экспрессивные конструкции) средства актуализации.

Наиболее значимыми для формирования концептуальной семантики текста являются и крылатые выражения. В тексте драмы «Вильгельм Телль» нами выявлено 77 крылатых выражений, из которых: 28 входят в тематическое поле «жизненная философия крестьян»; 5 – «борьба за свободу»; 2 – «ритуалы и традиции»; 5 – «любовь к отчизне», 5 – «родство», 10 – «мужество и сплоченность»; 3 – «честь и доблесть»; 3 – «долг», 6 – «война и смерть»; 4 – «будущее – новая жизнь»; 5 – «природа», 1 – «труд». Для каждого лингвокогнитивного пространства характерны свои крылатые выражения, которые восходят к определенным литературным источникам. Для адекватного перевода значимым является не только удачный перевод в плане структуры переводимых единиц, но и перевод национально-культурного компонента. С этой задачей, на наш взгляд, Амбалов-переводчик справился. В целом ему удалось достичь эквивалентности перевода, то есть его перевод выполняет в осетинской культуре такую же функцию, призывает к тем же идеалам, что и оригинальный текст Шиллера в немецкой культуре. Тот факт, что в некоторых случаях не удалось достичь адекватности выбранных языковых знаков, объясняется, на наш взгляд, именно желанием передать ценностную константу драмы «Вильгельм Телль».

Список литературы

1. **Абаев В. И.** Светоч народа // Абаев В. И. Избранные труды: религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990. С. 555-559.
2. **Абуш А. В.** Шиллер: величие и трагедия немецкого гения. М.: Прогресс, 1964. 311 с.
3. **Выдрин А. П.** Две конструкции возможности в осетинском языке // Вопросы языкознания. М.: Наука, 2013. № 2. С. 99-120.
4. **Исаев М. И.** Очерки по фразеологии осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1964. 104 с.
5. **Кацнельсон С. Д.** Историко-грамматические исследования. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 420 с.
6. **Новиков Л. А.** Язык и художественное познание: методологические заметки об эстетическом освещении действительности // Методология лингвистики и аспекты изучения языка. М., 1986. С. 4-40.
7. **Туаллагов А. Д., Туаллагов А. А.** Цоцко Бицоевич Амбалов: историко-библиографический очерк. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А, 2012. 263 с.
8. **Шиллер Ф.** Драмы. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1975. 863 с.
9. **Æмбалгы Ц. Б.** Удварны хæзнатæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 2009. 512 ф.
10. **Schiller F.** Kabale und Liebe. Wilhelm Tell. J.: Просвещение, 1975. 270 S.

**THE PECULIARITIES OF FORMING THE CONCEPTUAL SEMANTICS
OF DRAMATURGIC WORKS TEXTS (BY THE EXAMPLE OF J. SCHILLER'S DRAMA
"WILHELM TELL" AND ITS TRANSLATION INTO THE OSSETIAN LANGUAGE)**

Dzaparova Madina Kazbekovna
North Ossetian State University after K. L. Khetagurov
madina.dzaparowa@yandex.ru

The article by the material of Friedrich Schiller's drama "Wilhelm Tell" studies the questions of the text conceptual semantics formation. Particular attention is paid to the study of lexical-semantic space of the aphorisms in the dramaturgic text and their translation into the Ossetian language by Tsotsko Ambalov. The analysis reveals the dominant features of the textual dominants of the culmination points in the drama ("The Oath on the Rütli", "Baron Attingauzen's Will"), which organize a holistic unity of the work of art.

Key words and phrases: semantics of text; aphorisms; textual dominants; culmination; phraseological units.

УДК 81-139

В статье рассматривается проявление особенностей арабского менталитета в произведении Амина ар-Рейхани, написанном на английском языке. Анализируются и сопоставляются художественная картина мира персонажа и индивидуально-авторское мировидение. Предпринимается концептуальный анализ, в ходе которого выделяются художественные концепты и концепт-гештальт. Исследуется реализация концептов в художественном произведении, что дает представление о законах творческого процесса писателя. Таким образом, произведение писателя арабского происхождения выступает индикатором двух культур, а сам язык – их энграммой.

Ключевые слова и фразы: концептосфера; языковая личность; концепт; художественный концепт; арабо-американская литература; концепт-гештальт.

Дубовицкая Мария Анатольевна

Московский государственный институт международных отношений
clouddancing@mail.ru

**КОНЦЕПТОСФЕРА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА КАК ОТРАЖЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ АМИНА АР-РЕЙХАНИ**

Переплетение языка и культуры, языка и общества, языка и сознания не вызывает в настоящее время вопросов у ученых и исследователей разных дисциплин. Антропоцентричность как основной акцент прослеживается во многих работах. Рассмотрение культурно-языковой специфики неизбежно приводит к вопросу о языковой личности, т.к. познать язык невозможно в отрыве от личности, а личность – в отрыве от языка. Языковую личность понимают как носителя национально-культурных особенностей того или иного общества. Ю. Н. Караулов рассматривает языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [9, с. 3]. В. И. Карасик тоже исследует языковую личность как носителя языкового сознания, т.е. человека в языковом пространстве, обусловленном стереотипами и моделями поведения, которые находят свое отражение в языке [8, с. 5]. Ученый рассматривает и коммуникативно-